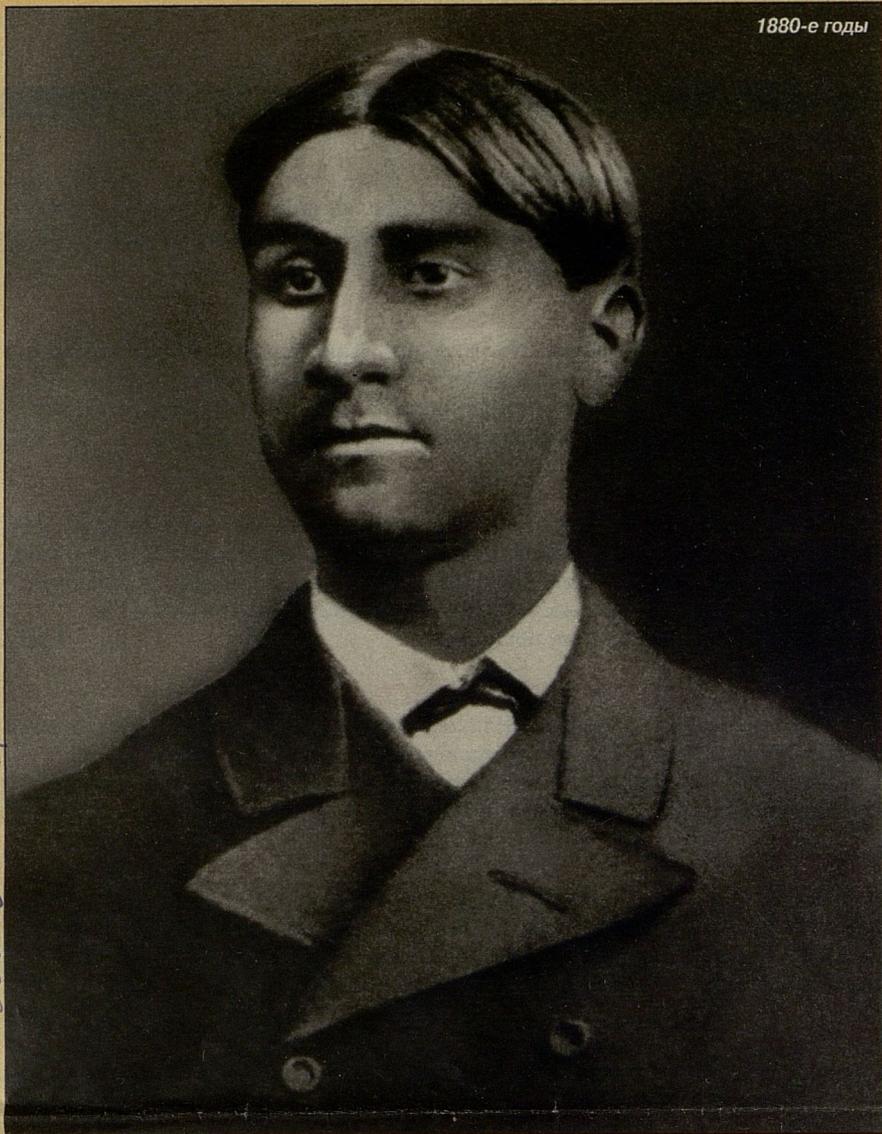

Семь дней - 2003 - 22-28 дек. - с. 80-83

1880-е годы

Картина Пиросмани «Актриса Маргарита». 1909 г.

НИКО ПИРОСМАНИ И ТА, ЧТО ЛЮБИЛА ЦВЕТЫ

Рассказывают, что однажды ранним утром к гостинице, где жила актриса Маргарита де Севр, вереницей тянулись арбы и тарантасы, груженные свежесрезанными розами. А рядом шел тот, кто еще несколько часов назад звался лавочником Николаем Пиросманашвили — впрочем, теперь, продав лавку и скупив по всему Тифлису «целое море цветов», он сделался нищим и бездомным и звать его стали сокращенно: Нико Пиросмани...

В марте 1909 на тумбах в Оргачальском саду появилась афиша: «Новость! Театр «Бель Вю». Только 7 гастролей красавицы Маргариты де Севр в Тифлисе. Уникальный дар петь шансоны и одновременно танцевать кек-уок!» Говорят, что, увидев Маргариту на сцене, Николай Пиросманашвили (хозяин молочной лавки, увлекавшийся в свободное время живописью) воскликнул: «Не женщина, жемчужина из драгоценного ларца!» Далее эту историю

рассказывают в нескольких вариантах. Первый: Маргарита увидела из окна своей гостиницы цветочный ковер, занимавший всю мостовую. Ошарашенная, она сказала Николаю: «Ты продал свою лавку, чтобы подарить мне цветы? Я никогда не забуду этого, мой прекрасный рыцарь!» А через несколько дней она приняла ухаживания одного богатого человека и уехала из Тифлиса. Другой вариант такой: отправив Маргарите «миллион алых роз», Пиросманашвили на последние гроши пошел пировать в духан. Растроганная актриса велела передать ему записку, в которой просила прийти. Николая разыскали, но оторваться от вина он не смог, а когда все же пришел к гостинице, Маргариты там уже не было — гастроль окончилась, и ее театр уехал бог знает куда. Еще рассказывают, что когда в 1969 году в Лувре экспонировались 85 «примитивных» шедевров Пиросмани, к картине «Актриса Маргарита» каждый день приходила старая женщина. В конце концов кто-то заметил сходство ее глаз с глазами на портрете. Да, это была постаревшая Маргарита де Севр!..

...Романтичнее история о неразделенной любви грузинского художника к французской актрисе — увы, лишь легенда. Исследователи творчества Пиросмани уверены, что в реальности не было ни продажи имущества, ни роз, ни даже лич-

ного знакомства художника и актрисы (похоже, портрет был написан не с натуры, а с театральной афиши). Историю о «миллионе алых роз» сочинил писатель Константин Паустовский, побывавший в Тбилиси через несколько лет после смерти художника и влюбившийся в его картины, особенно в тот самый портрет актрисы Маргариты. А на самом деле в жизни Нико Пиросмани была совсем другая драма, и причина ей — вовсе не алчная возлюбленная, а несколько бескорыстных друзей, искренне желавших ему помочь...

«ЖАТЕЛЬМЕН» ИЗ ДУХАНА

Двое молодых художников-авангардистов — Михаил Ле Дантю и Кирилл Зданевич — въехали в Тифлис с Московской заставы и поначалу были разочарованы: никакой восточной экзотики, никакого кавказского колорита. Тифлисский район Сололаки был неотличим от 15-го округа Парижа, а Головинский проспект, просторный и прямой, выглядел словно какая-нибудь рю де л'Ансен Комеди. Медленно плыла нарядная толпа: дамы в модных шляпках с перьями и при зонтиках, мужчины в цилиндрах, с тросточками — они катили в нарядных экипажах, прогуливались пешком и заходили в богатые рестораны, отделанные в новомодном

стиле модерн. Там подавались блюда, приготовленные на французский манер, и французские же вина.

Впрочем, тем, кто въезжал в Тифлис не с Московской, а с Эриванской заставы, город представлялся совершенно другим: темные кривые улочки, то взбирающиеся в гору, то круто уходящие вниз, сакля лепится на скале. Женщин почти не видно (им не положено шататься по улицам без дела), мужчины одеты в синие чохи. Пестреют вывески духанов, звучат зурна и шарманка, стройным грузинским многоголосьем поют «Сулико», «Алаверды», «Маруся отравилась» и даже «Семь сорок»... Лыется рекой молодое кахетинское маджари, днями напролет сидят за столами кинто — прожигатели жизни, весельчаки и бездельники.

Зданевич и Ле Дантю, набредшие наконец на вождленную кавказскую экзотику, застыли на Вокзальной улице перед диковинной вывеской духана «Варяг»: на ней удивительно талантливо была написана сцена морской битвы. Так, наверное, видит мир человек, только что прозревший после слепоты... Ни на что не похоже! Потом в других пивных увидели «Кутеж кинто», «Черного льва»...

Несколько позже Кириллу Зданевичу и его брату — поэту-футуристу Илье Зданевичу удалось разыскать автора этих картин: высокого, сутулого, но при этом удивитель-

но изящного мужчину пятидесяти лет, его лицо было именно таким, какие рисуют на грузинских иконах. Характера Нико был странного. Он часто сидел неподвижно и смотрел в одну точку невидящими глазами. Порой бывал очень мнителен, спрашивал: «Зачем вы оказываете мне гостеприимство, если у вас нет задних мыслей?» Мог обидеться непонятно на что, раскричаться. При этом талантом своим не кичился (соглашался, к примеру, покрасить стену или написать название улицы). Когда он брал в руки кисть, собутыльники вечно вмешивались. К примеру, кто-нибудь говорил: «Нико, дорогой! Хорошая картина, но нарисуй на ней зайца!» Нико отвечал: «Нет, здесь не нужен заяц. Зачем заяц?» — «Нико, нарисуй для моего уважения!» И художник соглашался. Он никогда ни с кем не торговался, отдавая свои картины и за 30 рублей, и за рубль, и за копеечную тарелку лобио со стаканом водки (трезвым Пиросмани не работал никогда). Часто он говорил заказчикам: «За деньги рисовать не хочу. Купите лучше мне краску» (он писал английской, довольно дорогой). Кстати, черная, маслянисто-матовая, пупырчатая пленка, выпускаемая для каких-то сложных технических нужд, на которой он нарисовал большинство своих картин, тоже стоила немало (рисование самодельными красками на клеенках, якобы покрывавших столики в духанах, — не более чем часть мифа о Нико Пиросмани). Через много лет выяснится, что техническая клеенка, которую Пиросмани придумал использовать для картин, более «живучая», чем холст! И краски на ней от времени не покрываются мелкими трещинками — кракелюрами. Впрочем, о бессмертии своих работ Нико, кажется, совсем не думал. Одинаково вдохновенно он рисовал и на недолговечных жестяных листах вывесок, и на стенах, и даже пальцем на запотевшем стекле.

Пиросмани ночевал то под мешками в углу какого-нибудь духана, то на скамейке в летнем саду — Ортачалском или Верийском. При этом каким-то немисли-

мым образом он никогда не терял ни достоинства, ни свежести костюма. Зимой и летом он носил поношенный, но все еще элегантный пиджак, рубаху (всегда белоснежную!) навыпуск, галстук или шейный платок, брюки и мягкую фетровую шляпу, которую местные мужчины (носившие маленькие войлочные шапочки, или папачи, или островерхие бараньи шапки, или картузы) называли «цилиндр». Настоящий же цилиндр украшал голову человека, нарисованного на крышке самодельного деревянного чемоданчика, в котором Нико хранил все свое имущество (львиную долю составляли краски), — самые эрудированные посетители духанов звали этого нарисованного «жательмен». Нико знал много стихов, и вообще чувствовалось, что он птица иного полета, нежели коренные обитатели бедных кварталов Тифлиса. Он знал грузинскую и русскую грамоту, так что вывески, расписанные его рукой, сопровождалась надписями: «Холодный пиво. Распивочно и на вынос», «Бедный Шио в подвале шиот сапоги и калоши шиот», «Да здравствует хлебо-солного хозяина!» А что до орфографических ошибок, то даже на Головинском проспекте не все знали, как то или иное слово пишется по-русски...

Впрочем, на Головинский проспект Пиросмани не ходил никогда. «Европейский» и «кавказский» Тифлис не перемещивались, будто разделенные невидимой стеной. Но вот проникли же за эту стену хорошо образованные, хорошо одетые, хорошо воспитанные братья Зданевичи... Знакомство с ними разбередило что-то в душе Пиросмани. К тому же Илья и Кирилл уверяли художника, что его картины будут иметь успех у образованной публики. «Батоно Николай, вам не место среди невежественных кинто и духанщиков. Разве они люди вашего круга?» — твердили Зданевичи. Пиросмани усмехался: эти двое молодых людей думают, что где-то на земле для него есть место и есть круг людей, который он имеет право назвать своим...

Дом, построенный Николаем для сестры Пепуцы в Мирзаани. Теперь здесь музей Пиросмани

НИКОЛАЙ ИЗ СЕМЬИ КАЛАНТАРОВЫХ

«Элисабет, Калантар, перестаньте спорить с Николаем! Вы же знаете, он у нас безответный», — с улыбкой сказал старший из детей Калантаровых, Георгий. Он, так же как и все в семье, очень любил Николая, которого искренне считал своим братом, и старался оберегать его болезненно чувствительную душу. И уж конечно обидеть его Георгий вовсе не собирался: что же оскорбительного в слове «безответный»? Но бледные скулы 10-летнего мальчика вспыхнули краской негодования: «Я безответный! Безответный! Я не такой, как вы все! Ведь я не настоящий Калантаров!» Как это ни странно, но это был для него страшный удар — даже смерть собственных родителей он переживал не так остро.

Впрочем, он был слишком мал, чтобы хоть что-то понимать, когда его отец, садовник в поместье у вдовы Эпросине Калантаровой, вдруг умер, а вскоре умерла и мать, оставив Николая с сестрой Пепуцей

круглыми сиротами. Вскоре родные забрали Пепуцу в село Мирзаани, а его почему-то оставили. У вдовы Калантаровой было шестеро собственных детей, и маленький Пиросманашвили вечно играл с ними. «Хватит места и для седьмого», — рассудила Эпросине и взяла сироту в свою богатую и просвещенную семью. Долгие годы Николай был там почти счастлив: «почти» — потому что с того момента, как его назвали «безответным», мальчика ни на минуту не оставляло сознание, что он не настоящий Калантаров. Он вообще был не таким, как все! «Душа у Николая тонкая, и ум острый, и красив мальчик, как кипарис, — объясняла знакомым сердобольная Эпросине. — Только вот странный он у нас. Не то чтобы бездельник, а так, не от мира сего. Живет, как птичка, не оглядываясь на прошлое, не заботясь о будущем. И учиться не хочет!» Даже живописи, которой юный Пиросманашвили был сильно увлечен, он учиться не стал: «Одно для него спасение, — вздыхала Эпросине, — жениться на девушке с приданым»...

НОВЫЕ ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ПРЕСТИЖНОМ СЕВЕРНОМ ОКРУГЕ

«Северный город»

«Тимирязевский-2,3»

«Северные ворота»

Дубинская ул. 40-42

Дубинская ул. 10-15

Александровский пр. 1

Кутеж пяти князей.
1906 г.

...1889 год. Николаю уже 27 лет. Ни к какому ремеслу его так и не удалось приспособить, и он по-прежнему живет у Калантаровых, в их тифлисском доме на Головинском проспекте, хотя Эпросине давно нет на свете. И он, наконец, задумал жениться! Ему даже кажется, что он по-настоящему влюблен. В кого же? В Элисабет, свою приемную сестру! С тех пор как она вышла замуж за состоятельного коммерсанта Ханкаламава, Николай не видел ее несколько лет, а вот теперь она овдовела. И пусть Элисабет под сорок, она подурнела и постарела, но ведь она урожденная Калантарова! Всякий, кто родился в этой семье, казался молодому Пиросманашвили неизъяснимо прекрасным...

Элисабет выразила отказ в очень деликатной форме, но Николай все равно был раздавлен. Это был второй страшный удар: ему снова не удалось стать полноправным членом семьи!

ПОД КНУТОМ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Николай навсегда исчез из дома Калантаровых, и те не смогли его отыскать. Он поступил на службу тормозным кондуктором товарных вагонов на Закавказскую железную дорогу. Стоя на открытой

площадке вагона, Пиросманашвили проехал всю Грузию: Имеретия, Гурия, Мингрелия... Ехали вдоль моря, и через виноградные долины, и через тоннели под горами. Самый длинный из них — Сурамский — тянулся 4 километра, и Николай каждый раз выезжал из него с выпученными глазами, надыхавшись паровозного дыма. Зарплата у Пиросманашвили была 15 рублей в месяц — вполне прилично для крестьянского сына, но, конечно, слишком мало для воспитанника помещицы Калантаровой (впрочем, про Калантаровых, так любивших и так измучивших его, Николай предпочел забыть)... Его вечно штрафовали: на 3 рубля за провоз безбилетного пассажира, на 2 — за неявку к поезду, на 50 копеек — за опоздание. «Рожденный свободным, как птичка», Николай был просто не способен ходить на службу систематически. Он забрасывал начальство рапортами с просьбами о переводе на другую работу, об отпуске по семейным обстоятельствам, по состоянию здоровья... Чудной человек, блаженный! На железной дороге, где все должно быть четко и пунктуально, такому не место! Когда Пиросманашвили подал рапорт об увольнении, начальство на радостях выдало ему большое выходное

пособие. На эти деньги он, взяв в компаньоны Димитру Алугишвили, завел молочную лавку. Впрочем, пройдет совсем немного времени, и Николай поймет: среди лавочников ему тоже нет места...

...Однажды ночью Димитру разбудили дикие крики, они доносились из комнаты Николая. Димитра вооружился палкой и бросился на выручку к компаньону — тот, на вид совершенно невредимый, все кричал: «Спаси меня!» Немного успокоившись, он объяснил: «Здесь только что был святой Георгий. Он стоял у изголовья моей кровати с кнутом и говорил: «Не бойся! Не бойся!» Он часто приходит ко мне по ночам, а наутро моя рука сама тянется рисовать». Димитра только горестно вздохнул. Чудной человек этот Пиросманашвили! А что он устроил на недавних похоронах маленькой дочери Димитры, Маруси? Незадолго до того, как девочка заболела, Николай стал ее крестным отцом, и вот теперь ее не стало, как не стало и Нины, родственницы Димитры, у которой Пиросманашвили был шафером на свадьбе. «Я позавидовал женитьбе и рождению ребенка и принес несчастье», — голосил Николай. На кладбище упал на землю, стал плакать: «Маруся! Голубка моя! Сгубил я тебя! Вот, мы все живы, а ты лежишь здесь

под крестом!» Потом набросился на священника, назвав его чертом, потом вдруг успокоился и сказал холодно: «Все умрем. Никто не будет жить вечно. И нечего тут плакать!» Ну прямо малый ребенок, а не мужчина!

Наутро после истории со святым Георгием в лавку явился бедно одетый деревенский парень и сказал, что женился на Пепуце Пиросманашвили и Николай ему теперь родня. Давно горевавший, что он один на белом свете, Николай обрадовался и поехал в Мирзаани. Но разве ему, городскому жителю, место в деревне? Хорошо еще, что его там так и не женили: Пепуца нашла невесту в соседнем селе, и Николай поехал на собственную свадьбу, а через день снова объявился в Мирзаани — заплаканный, злой. Пепуце объяснил: «Хотел тельца принести в жертву святому Георгию, они отобрали, съели сами... Эти негодяи посмеялись надо мной и выгнали. Сказали: «Ты сумасшедший! Зачем тебе жениться?» Все это было странно и неправдоподобно, но мнительного Николая нельзя было уговорить одуматься. Отстроив сестре дом (добротный, с железной крышей, каких в Мирзаани отродясь не бывало), он уехал.

Так уж устроен был чудака Пиросманашвили, что каждое новое оскорбление (настоящее или мнимое) расширяло ту трещину, которая от рождения существовала между ним и остальным миром. И в Тифлис он вернулся еще более чудаковатым, чем был. «Вчера оставил лавку на Николая, так он ушел куда-то, дверь не запер, и вся дневная выручка пропала! — жаловался соседям Димитра. — Спрашиваю его: дорогой, что случилось? Знаете, что он ответил? Что ему противно торговать! Где это слыхано, чтобы торговать было противно?»

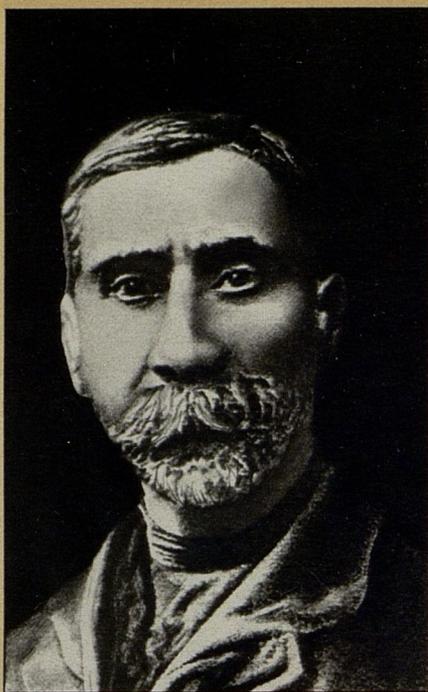
Пожалуй, на своем месте Николай чувствовал себя только в духане. Здесь все было устроено гармонично и правильно, здесь не было места человеческой несправедливости и не нужно было делать над собой никаких усилий. Тамада ведет застолье по точно установленному порядку, разговор содержательный, пение стройное. Здесь Пиросманашвили чувствовал себя человеком среди таких же красноречивых, добрых и значительных людей. Кончилось тем, что Николай забрал свои кисти с кра-

сками и совсем исчез из лавки. С тех пор он стал зваться Нико Пиросмани. Это был то ли 1900, то ли 1901 год (по крайней мере, за 8 лет до приезда в Грузию актрисы Маргариты). Нужно отдать справедливость Димитре, ему не была безразлична судьба чудака-компаньона, и он готов был выдавать ему по рублю в день, но Нико за рублем не приходил. Многие потом предлагали Пиросмани остаться жить насовсем, в тепле и сытости. Но он не соглашался. В конце концов друзья махнули рукой: кормится где-то, где-то спит, разрисовывает свои клеенки, и слава Богу! Видно, у этого человека какой-то свой путь, и лучше не вмешиваться...

ПОСЛЕДНЕЕ ОСКОРБЛЕНИЕ

Зданевичи взяли за гениального примитивиста Нико всерьез: отвезли четыре его картины на выставку в Москву, Илья написал статью в газету «Кавказская речь», другую с его подачи опубликовало иллюстрированное издание «Сахалхо Пурцели» (там поместили репродукцию «Свадьбы в Кахетии» и фотографический портрет самого Пиросмани). Нико с удивлением и гордостью читал о себе: «Художник, чье творчество могло бы прославить нацию и дать ей право на участие в нынешней борьбе за искусство. Понимание цвета и пользование им ставят Пиросманашвили в ряд великих живописцев».

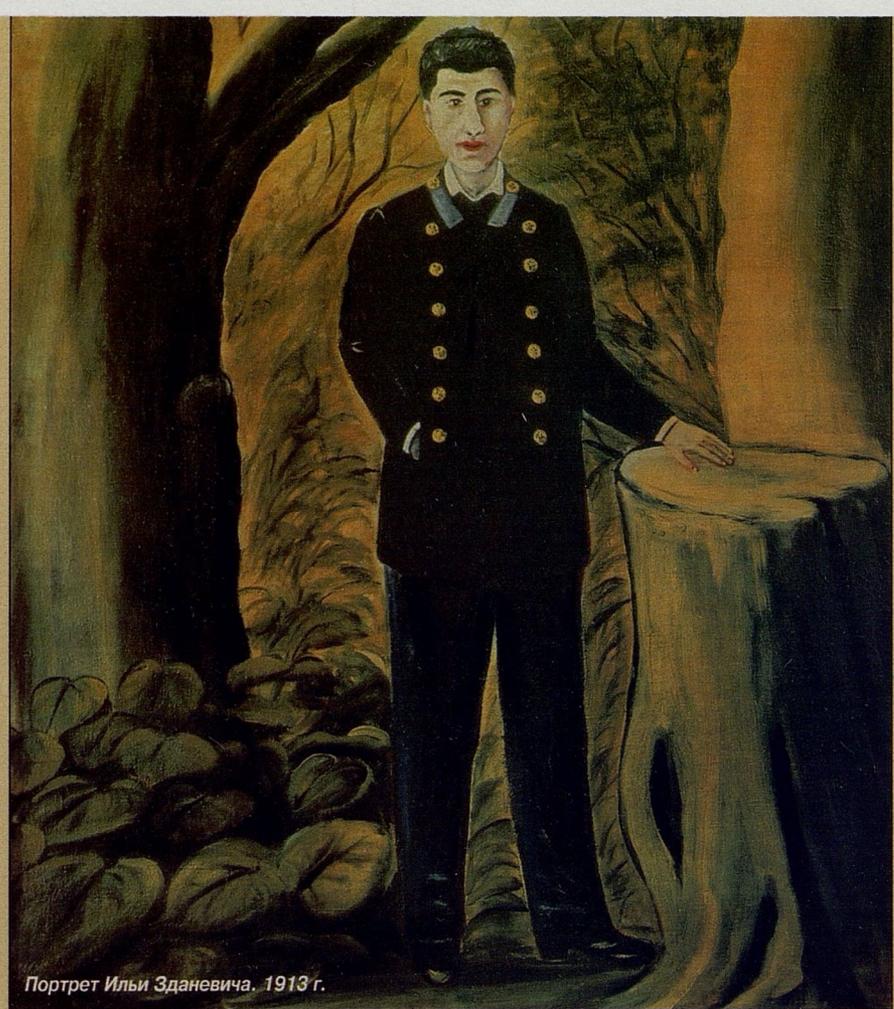
Вскоре к нему пришли молодые художники Ладо Гудиашвили и Михаил Чиаурели. Они передали ему 200 рублей, собранных недавно созданным Обществом грузинских художников, и пригласили на первое учредительное заседание в старинный особняк на Головинском проспекте с белой мраморной лестницей, зеркалами до потолка, лепниной, люстрами венецианского стекла и свечами в бронзовых канделябрах. Узнав об этом, духанщики, раньше любившие Нико («Ангел живет в его кисти», — говорил один из них), стали фыркать за его спиной: «Тоже мне великий художник! Пусть радуется, что его кормят!» Впрочем, теперь это было не важно! Ведь на старости лет для Пиросмани нашлось место среди обитателей Головинского проспекта! Все равно как будто бы Калантаровы позвали его к себе!

Снимок Пиросмани сделан на памятном заседании Общества грузинских художников в особняке на Головинском проспекте. 1916 г.

Увы! Счастье было иллюзорным. Через три недели после первого портрета Пиросмани в «Сахалхо Пурцели» появился второй, карикатурный — для пушей юмористичности художника нарисовали в длинной рубахе, из-под которой торчат голые ноги. А рядом подпись: «Тебе нужно учиться, братец. Лет через 20 из тебя может выйти хороший художник, вот тогда мы пошлем тебя на выставку молодых». Даже над седидами Нико посмеяться не побоялись!

Сказать, что Пиросмани был оскорблен, значит не сказать ничего. Он был уничтожен! Головинский проспект стал ему ненавистным, а район духанов и саклей — чужим. Нико, и без того болезненно мнительный, теперь не отвечал на приветствия, по улицам ходил с опущенной головой, за общий стол в духанах не садился. За ним стала бегать стайка мальчишек, выкрикивавших бессмысленную дразнилку: «Пиросман! Пиросман! Нарисуй мне осла!» Тем, кто пытался его поддержать, Нико горько жаловался: «В газете меня нарисовали, как кошку... Ничего

Портрет Ильи Зданевича. 1913 г.

не хочу! У меня талант устал». Даже внешне Пиросмани опустился: его пиджак залоснился, поля шляпы обвисли, а воротничок утратил свою необъяснимую белизну. Исчез и ящик с «жательменом»; вместо него явился какой-то безобразный заплечный мешок. Теперь Пиросмани постоянно бормотал что-то себе под нос. Кажется, это были стихи его собственного сочинения: «Братец ты мой Никола. К чему тебе эта житейская суета? Обителью тебе станет рай. И все тебе там будет, и жить будешь одной семьей с архангелами Михаилом и Гавриилом».

Он прожил еще полтора года, из которых почти все время проболел. В последний раз его видели на улице в дни Февральской революции: Нико повесил на грудь красную ленту с русской надписью «Свобода». Встретил знакомого, сказал, улыбаясь: «Моего тезку сбросили! Правильно! Долой Николая!» В первых числах апреля 1918 года давний приятель Нико сапожник Арчил Майсурадзе нашел его в подвале дома № 29 на Малоканской улице. Нико лежал на полу, прямо на битом кирпиче, и на вопрос: «Кто здесь?» —

сумел ответить: «Я». Он уже никого не узнавал; врачи в больнице (Арчил отвез его туда на фазтоне) диагностировали одновременно нефрит, отек легкого, застой в печени и гипертрофию сердечной мышцы. Документов у Пиросмани давно уже не было, и в больничной книге записали: «Мужчина лет 60, бедняк, происхождение и вероисповедание неизвестно». А раз неизвестно, то на христианском кладбище места бедняге не нашлось, и похоронили его без отпевания, неизвестно где...

Ирина ЛЫКОВА

P. S. Михаил Чиаурели стал классиком советского кино, Ладо Гудиашвили — знаменитым художником, оба прожили долгую жизнь и умерли в почете. Братья Зданевичи вошли во всевозможные энциклопедии как люди, открывшие миру художника Пиросмани. Дневник Ильи Зданевича, в котором описаны подробности знакомства с великим мастером, разошелся огромным тиражом уже на следующий год после смерти Нико, а гениальные клеенки Пиросмани, скупленные братьями у духанщиков, потянули на целое состояние.